

ции врага, господствовавшая тогда над Черным морем, не давала возможности нашим летчикам прилетать в Крым. Почти 4 месяца мы не видели над своими головами ни одного краснозвездного самолета.

Мы находились примерно в таком положении, как жители осажденного Ленинграда: тоже были осаждены, голодали, но не сдавались.

Голод был самым страшным нашим врагом. Наши продовольственные базы были разграблены в первые дни оккупации. Фашистские войска блокировали леса, заняли гарнизонами прилесные деревни, зверски расправлялись со всеми, кого заподозрят в связи с партизанами. Прочес следовал за прочесом, фашисты задались целью уничтожить нас или уморить голодом.

Окруженные со всех сторон, мы вели жестокую борьбу за жизнь. Чем мы питались, как поддерживали свои силы?

Известно, что до войны большая территория крымских лесов была объявлена заповедником. Здесь жили на свободе редкие животные — олени, муфлоны, косули. Они-то и стали нашей основной «продовольственной базой». Наш отряд базировался в районе заповедника. Мы создали специальную охотничью группу, поставив перед ней задачу обеспечить отряд мясом. Пока животных было много, охотники часто возвращались с трофеями. Но скоро добыча стала попадаться все реже. Чтобы заинтересовать людей, мы ввели своеобразную премиальную систему. Группе партизан, которая убила оленя или козу, мы отдавали «сбой» (так на мясокомбинатах называют голову, ноги и внутренности животного), а туша шла в общий отрядный котел.

Этот порядок был введен по предложению самих партизан и выдерживался самым строжайшим образом все время, пока мы были в лесу. Привели два партизана в отряд корову — получайте ее голову, ноги, кровь, а остальное на всех. Подстрелил партизан зайца — половину тушки возьми, вторую половину отдай отряду.

У нас не было случая, чтобы кто-нибудь, кому повезло на охоте, утаил добычу от товарищей. По законам леса такого партизана мы бы расстреляли.

Премиальная система применялась и на продовольственных операциях. Скажем, проводится налет на мельницу или на склад. Участники операции получают награду: восемь котелков муки каждый отдает отряду, де-

Переход через горную речку.

вятый оставляет себе. Так же делились и другие продукты.

Благодаря такой практике люди, как бы ни было им тяжело, охотно шли в дальние походы, на опасные операции. Никто не пытался отсидеться в лагере.

Несмотря на все наши старания, бывали дни и недели, когда партизаны не получали никаких продуктов, ни ложки муки, ни кусочка мяса — абсолютно ничего. Чем мы тогда питались? Пожалуй, легче сказать, чего мы не ели, потому что ели буквально все: молодые побеги, листья, траву, древесную кору, прошлогоднюю картошку, трупы павших животных и т. д. Шкуры убитых оленей тоже съедали. А когда ничего не оставалось — снимали с ног обувь—постолы, резали их «на лапшу» и варили. Все, что можно было жевать, что хоть как-нибудь усваивалось желудком, — все шло в пищу.

* * *

Гитлеровцы, безусловно, не могли мириться с наличием в их тылах партизанских отрядов и решили направить на расправу с нами высвободившиеся около Севастополя войска. По слухам, ходившим среди гражданского населения, мы знали, что Гитлер приказал Манштейну уничтожить крымских партизан в двухнедельный срок.

О приближении срока наступления мы узнали по листовкам, которыми засыпали нас фашистские самолеты. В листовках писалось: «Партизаны Крыма! Сильная севастопольская крепость взята немецко-румынскими войсками. Советская Приморская армия совершенно уничтожена!. Партизаны! Ваше положение совершенно безнадежно, но у вас еще есть возможность спасти жизнь, если вы перейдете к нам. Кто сейчас сдастся немецким или румынским войскам, с тем будут обращаться как с военнопленными, а кто этого не сделает, тот будет уничтожен в короткий срок».

Но эта «идеологическая обработка» партизан успеха немцам не принесла. Ни один человек не воспользовался пропуском в плен, какие во множестве сбрасывались в наше расположение.

Наоборот, в эти дни усилился приток партизан в Коммунистическую партию. Коммунистами стали Георгий Грузинов, Леонид Вихман, Матвей Гвоздев, Дина Путятиня, Аня Науменко и многие другие. На партийных собраниях мы обсуждали самые насущные вопросы партизанской жизни. Говорили об авангардной роли коммунистов в бою, о бдительности и дисциплине, о задачах партизан, связанных с оставлением Советской Армией Севастополя.

Неемотя на неравные силы, мы готовились достойно встретить фашистских карателей.

Наступил день 12 июля 1942 года.

Перед рассветом в долине прозвучал одинокий орудийный выстрел. Он гулко отозвался в горах. Это был условный сигнал к наступлению. И тотчас же к лесу устремились колонны гитлеровцев — двадцативосьмая, хорошо вооруженная армия против небольшой горочки изнуренных в боях и лишениях партизан.

Первые схватки завязали Евпаторийский и Бахчисарайский отряды. Маневрируя, мы оттянули противника в глубь леса. Затем у дороги, ведущей к реке Пискура, открыли ожесточенный прицельный огонь. В районе центрального штаба, на высоте близ казармы Нижняя Чучель, отряд под командованием Чусси подготовил карательям хороший сюрприз: партизаны заранее заминировали все подходы к штабу и заняли круговую оборону.

Карабкаясь, гитлеровцы медленно взирались по склонам гор. Здесь в районе хребта Хейролан, гор Цер-

ной и Барлакош склоны особенно круты и покрыты буреломом, от этого передвигаться еще труднее.

Расчет на алчность противника себя оправдал. Едва заметив шелковые купола парашютов, которые были приспособлены под штабные палатки, каратели, чуя легкую добычу, устремились вперед. Но не тут-то было! Один за другим раздались взрывы. Поднялась невообразимая суматоха и паника. Немцы, оставшиеся в живых, побросав оружие, с криками: «Партизан, партизан!» — бросились в разные стороны. Но их настигали пули.

В районе, где сражался Евпаторийский отряд под командованием Ермакова, на партизанской мине подорвался гитлеровский офицер. Взрывом его разорвало на куски, и от него остался лишь планшет, отнесенный взрывной волной на ветку дерева. В нем оказался утвержденный самим Манштейном подробный, тщательно разработанный план всего «генерального» прочеса.

Таким образом, в руках партизан оказались ценные данные. На карте были точно обозначены направления основных ударов. Указаны части и подразделения, на которые возлагалось выполнение поставленных задач. В специальном примечании указывалось, что «всех пленных партизан следует немедленно допрашивать, по возможности направлять в штаб майора Стефануса, а если таковой не представляется — уничтожить на месте».

Приказ, найденный в планшете, гласил:

«Первой группе стрелков совместно с 18-й пехотной дивизией с северного направления и второй группе горных стрелков южного направления прибыть в зону расположения партизан к 12.VII после полудня.

Для проведения прочеса приказываю:

...В первой колонне участвует 23-й батальон горных стрелков, 3-й батальон горных стрелков, 14-й пулеметный батальон, резервная группа и 2-й батальон горных стрелков. Каждый батальон проводит операцию по прилагаемой схеме. Места, не охватываемые основным движением батальонов, прочесываются отдельными группами. В каждом батальоне иметь 35 пулеметчиков, приданых из пулеметного батальона. Указанные пулеметчики группами двигаются параллельно движению, охватывая весь прочесываемый район...».

Кроме приказа, здесь находилась инструкция по борьбе с партизанами. Есть смысл привести ее почти полностью.

«Успеха в борьбе против партизан, действующих в горной местности, — было сказано в инструкции, — можно добиться только нанесением концентрированных ударов по партизанским лагерям... Отряды, ведущие разведку боем, должны быть готовыми в любую минуту перейти в атаку.

Обращаем ваше внимание на то, что в крымских условиях в разведку следует выбирать солдат с учетом их прежней профессии: лесников, охотников, пастухов. Они обычно хорошо ориентируются на местности и потому принимают правильные решения. Любители охоты всех званий представляют поэтому особую ценность...

...К наступлению надлежит тщательно подготовиться. Нужно обеспечить себя необходимым количеством рюкзаков, компасов, биноклей и другого альпинистского снаряжения. Каждый солдат должен быть вооружен легким стрелковым оружием, ракетницами, гранатами, взрывчаткой, иметь при себе сухой паек. Чем тщательнее подготовка, тем вероятнее успех. Каждый солдат должен сознавать, что он идет на решительный штурм партизанских позиций, что он воюет с особенно опасным и хорошо подготовленным врагом. Вот почему в борьбе с большевиками необходимо применять все имеющееся оружие и проявлять крайнюю жестокость. Проявление к партизанам неуместной жалости равносильно угрозе жизни наших людей... Помните, всех партизан, захваченных в бою, прежде всего следует допросить, а затем расстрелять или повесить».

Зная теперь точно замыслы врага, центральный штаб решил перегруппировать силы. Через посыльных, немедленно высланных во все отряды, предупредили командиров о предстоящем отходе в менее опасные места — к горе Хейролан.

Преодолевая крутые склоны и лесные чащи, с больными и ранеными, с детьми на руках, без воды и горячей пищи, двое суток выходили партизаны и их семьи из кольца окружения.

Вот, наконец, и Альминская долина. С вершины Хейролана хорошо видны рыжие отсветы костров. Их вокруг много — этих огоньков. И у каждого засада, у каждого притаился враг. Вокруг и внизу под нами — совсем близко — тоже цылают костры. Значит, и здесь пикеты, и здесь кольцо.

Еще два мучительных дня провели мы на вершине

горы. Было холодно. Мучила жажда, нельзя было курить. Несмотря на все эти невзгоды, наши боевые группы, не смыкая глаз, ничем не выдавая себя, днем и ночью несли охрану лагеря. И хотя каждую минуту грозила смертельная опасность, партизаны держались.

Комиссар Никаноров собрал коммунистов.

— Товарищи! — голос его звучал взволнованно. — Настал критический момент. В любую минуту нас могут обнаружить и уничтожить. Уничтожить малолетних детей, женщин, больных. Живым никого не оставят! Надо прорываться и выходить из этого чертова круга. Помните: что бы ни случилось — коммунисты должны быть образцом поведения.

Совещание закончилось. Начать прорыв было поручено бахчисарайцам.

Я остался с начальником разведки района Федором Афанасьевич Якустиди и его помощником Витенко.

— Не будем терять времени. Как у вас с патронами, гранатами? — спросил Якустиди.

— У каждого по два полных диска, по три гранаты, да в вещмешке запас небольшой, — ответил я.

— Ну, хорошо. Смотрите... Да что говорить: сам понимаешь обстановку. Надо пробиться.

С усталого лица начальника разведки исчезло обычное выражение деловитости. Оно стало добрым, ласковым. Только теперь я заметил, как изменился за последнее время Якустиди. Впалые щеки, глубокие морщины, сутулая спина. И лишь черные угольки больших глаз светятся знакомым, задорным огоньком...

— Прощай, Федя...

— Зачем «прощай»? До скорого свидания!

Мы обнялись, пожали руки и, не желая выдавать охватившего волнения и больше не глядя друг на друга, разошлись.

Наш отряд пошел на прорыв. Благодаря тщательной разведке удалось благополучно миновать основные немецкие кордоны и на рассвете выйти к горе Черной. За бахчисарайцами двигались евпаторийцы, ялтинские группы Василия Кулиничча, Александра Кучера и Семена Зоренко.

Спускаясь с Хейролана, неожиданно встретили румынских солдат, человек двадцать. Как ни в чем не бывало, они шли нам навстречу. Наше внезапное появление там, где этого никто не мог ожидать, настолько ошеломило

румын, что они замерли как вкопанные. Затем по команде старшего все, как один, побросали оружие и подняли руки.

— Передай землякам, — сказал я лежавшему рядом Томе, — что мы их не тронем, если себя поведут смирино...

Тома перевел ответ:

— Они благодарят за великодушие и обещают выполнить любое приказание.

— Ну, вот и договорились...

Оставив для прикрытия группу автоматчиков, мы двинулись вперед. Когда проходили мимо румынских солдат, те отвернулись в сторону и сделали вид, что нас не замечают. Один из них, видно, командир, перебросился с Томой несколькими словами.

— Кровь проливать не надо. Румын война не хочет, — перевел нам Тома.

За семь дней прочеса нашего района гитлеровцы не смогли уничтожить партизан. У нас погиб один боец — комсомолец Коля Бондаренко.

В первом бою, тяжело раненного, его захватили в плен. Сколько ни допытывались фашисты о расположении основных сил, путях отхода, вооружении партизан, Коля молчал. Тогда гитлеровцы привязали юношу к стволу дерева и стали насквозь прокалывать штыками. Фашисты долго истязали свою единственную жертву, продолжали глумиться даже над мертвым.

Позднее мы разыскали изуродованный труп Коли: двадцать глубоких штыковых ран, разможженная голова, каштановые волосы, ставшие за несколько часов совсем седыми.

В ночь на 19 июля каратели стали уходить из леса. Пресловутый «генеральный» прочес с треском провалился. Тем не менее по радио и в «Голосе Крыма» широко оповещалось о «голном уничтожении партизанских бандитов». В Севастополе, Симферополе, Феодосии, Судаке, Евпатории и других городах и населенных пунктах появились плакаты, изображавшие обросших, оборванных партизан, сдающихся в плен. Но этот трюк гебельсовской пропаганды никого не обманул, не умалил в глазах советских людей силу и значение партизанского движения.

В ответ на распространяемые провокаторами ложные слухи повсеместно расклеивались наши листовки —

«Обращение к жителям Крыма». Оно заканчивалось словами: «Красная Армия наносит врагу тяжелые поражения на всех фронтах. Бейте фашистов, помогайте Красной Армии и партизанам! Крым скоро снова будет советским!»

Оккупанты вновь стали испытывать удары партизанских отрядов. Все чаще и чаще выходили мы на боевые операции и диверсии. По-прежнему наши агитаторы поддерживали связь с населением близлежащих сел и деревень, с подпольными патриотическими группами на местах. С помощью бахчисарайских комсомольцев саботировались мероприятия гитлеровцев по сбору теплых вещей и продовольствия, от мобилизации на каторжные работы в Германию укрывались десятки людей. Прятались бежавшие из концентрационных лагерей военнопленные.

Несколько позже, чем у нас, закончился «большой прочес» в первом и втором партизанских районах. И здесь подвижные отряды народных мстителей нанесли врагу целый ряд сильных ударов.

НАШ ВАНЯ

По положению Иван Нижник не был партизаном. На самом же деле все его заслуженно считали полноправным членом нашей лесной семьи.

В одной из предыдущих глав уже шла речь о «воздушных партизанах». Но разве главой исчерпаешь эту огромную по своей значимости тему!

На всех этапах борьбы в тылу врага на Крымском полуострове отважные летчики осуществляли изумительные по смелости полеты в расположение отрядов народных мстителей. Даже в ту невероятно трудную пору, когда гитлеровцы вступили в разрушенный дотла Севастополь, «воздушный мост» продолжал стоять. Только сделался он значительно длиннее и во сто крат опаснее. Советским военным пилотам приходилось преодолевать несколько зон плотного зенитного заградительного огня. Они вылетали с кавказского побережья, проходили над морем, над территорией, занятой и укрепленной врагом.

Особенно отличился в этот период лейтенант Иван Нижник или, как его с любовью называли партизаны, «наш Вания». В непогоду, в непроглядном мраке, при